

Из истории пушкиноведения: о полемике по поводу автобиографичности пушкинского творчества в СССР

В статье рассматривается полемика по поводу одной из наиболее важных в пушкинской биографии методологических проблем — проблеме автобиографичности творчества поэта. Результаты данной полемики, происходившей в отечественной науке о литературе в 1920-30-е годы, могут быть полезны в деле создания научной синтетической биографии А. С. Пушкина.

Ключевые слова: история пушкиноведения, автобиографизм в литературе, М. О. Гершензон, В. Ф. Ходасевич, В. В. Вересаев, Б. В. Томашевский

Проблема автобиографичности творчества Пушкина являлась и является одной из важнейших в пушкинистике. Настоятельность ее разрешения была вызвана необходимостью с наибольшей полнотой составить жизнеописание великого поэта: недостаток фактических данных не покрывался известным документальным материалом, и уже в XIX веке существовала практика использования текстов Пушкина для заполнения «белых пятен» в его биографии. Так, например, автор первого жизнеописания поэта П. В. Анненков утверждал: «Известно, что в последние годы своей жизни поэт нередко переводил на вымышленные им лица некоторые черты собственного своего созерцания, подчас даже особенности своего характера, полученные психическим анализом своей личности и духовной природы» [1, с. 246].

Справедливости ради надо отметить и тот факт, что Анненков вовсе не абсолютизировал искренность поэтических признаний Пушкина, проницательно указав на «промах биографов», «подменивающих настоящую реальную жизнь поэта лучезарными абрисами, какими она светится в его сочинениях» [1, с. 211–212]. Таким образом, уже Анненкову было ясно, что применение биографической интерпретации для создания жизнеописания Пушкина нуждается в научно-теоретическом обосновании.

Первую серьезную попытку такого обоснования дал в 1908 г. М. О. Гершензон. Исследователь опирался при этом на предложенный им ме-

тод «медленного чтения» [9, с. 53]. По словам И. З. Сурат, метод Гершензона – это «углубление текста, обогащение его за счет различных контекстов, это чтение “заново”, в процессе которого читатель входит во все смысловые оттенки и все связи слова, входит в самый процесс творчества» [6, с. 32]. Применяв этот метод к изучению пушкинских произведений, Гершензон пришел к следующему выводу: «Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства, – надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину» [9, с. 53].

Комментируя этот фундаментальный для пушкинистики Гершензона методологический принцип, Сурат заявляет, что исследователь «говорил не о буквальном, а о “глубоком автобиографизме”, о личной внутренней наполненности пушкинских тем: “...Лучшие его вещи глубоко автобиографичны, т.е. зачаты им в страстных думах о его собственной судьбе, когда его личное недоумение, созрев, открывалось ему как загадка универсальная, когда он постигал вселенский смысл своего личного и частного дела”» [6, с. 34].

Опираясь на процитированный пассаж из статьи Гершензона «Моцарт и Сальери», Сурат попыталась реабилитировать предложенную ученым концепцию пушкинской «глубокой автобиографичности», поскольку, с точки зрения исследовательницы, она неверно трактовалась как декларация абсолютного пушкинского автобиографизма. Гершензон же, по мнению Сурат, понимал под «глубокой автобиографичностью» только включение в объективированный сюжет мыслей и чувств автора, отражавших определенный момент его духовной биографии. Однако, если бы Гершензон отчетливо обозначил направленность своей методологии на реконструкцию именно духовной, а не событийной биографии Пушкина, она бы не вызвала возражений, тем более что будущий оппонент Гершензона П. Е. Щеголев еще в 1904 г. выразил надежду на то, что «когда-нибудь мы будем иметь биографию поэта, – не фактическую только историю внешних событий его жизни, а историю движений его души, ее жизни» [12, с. 266]. В действительности Гершензон ставил перед своей методологией задачу воссоздания не только духовной, но и реальной биографии Пушкина, для чего был готов использовать «весь тот обильный биографический материал, который заключен в самих стихах Пушкина» [9, с. 53]. Не удивительно поэтому, что ученого стали воспринимать как ревностного защитника идеи об абсолютном автобиографизме пушкинского

творчества, а практическое применение им в биографических исследованиях собственной методологии стало предметом длительной дискуссии в отечественном литературоведении.

Самую широкую поддержку Гершензону в ходе этой дискуссии оказал его верный последователь В. Ф. Ходасевич, подчеркивавший в начале 1920-х гг., что «Пушкин автобиографичен насквозь» [10, с. 14] и что «едва ли не во всех пушкинских героях заложено многое от самого Пушкина» [10, с. 146].

Еще одним сторонником тезиса об абсолютной автобиографичности Пушкина в первые годы советской власти выступил В. Я. Брюсов. Например, в 1919 г. он писал: «Лицейская поэзия, как и вся поэзия Пушкина, правдива до последнего предела; в ней нет ничего выдуманного, притворного. Пушкин говорит лишь о том, что есть и что было, что он видел, что он пережил» [2, с. XLV].

Теперь обратимся к противоположной точке зрения на проблему пушкинского автобиографизма. Еще в 1911 г. принцип пушкинской «глубокой автобиографичности» был критически оценен П. Е. Щеголевым. Этот исследователь широко использовал биографический подход к творчеству Пушкина, и в этом отношении был единомышленником Гершензона. Однако, как справедливо заметила Я. Л. Левкович, «субъективизму Гершензона» Щеголев «противопоставлял строго точные изыскания, основывающиеся на тщательно выверенных фактических данных» [5, с. 283]. Возражая Гершензону, провозглашавшему, что Пушкин «необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова», Щеголев писал: «Что такое реальная элементарность правдивости Пушкина в его поэзии? Если она означает, что переживание, выражение которого находим в поэзии, было в душе поэта, то такое мнение, конечно, можно принять, но какое же остается за ним руководственное значение для биографов? Их задачей являются разыскания в области фактической жизни поэта, которые должны выяснить удельный вес всякого переживания в ряду других. Вот тут и начинаются долгие споры, при которых придется привлекать фактические данные» [9, с. 92–93].

Справедливость этого суждения заключается в том, что Щеголев принципиально увидел порочную совмещенность гершензоновского принципа «глубокой автобиографичности» с принципом абсолютного автобиографизма и тем самым подчеркнул неприемлемость методологии Гершензона для биографических исследований.

Еще более последовательно, чем Щеголев, эту методологию за крайний субъективизм осудили Г. О. Винокур и Б. В. Томашевский. Винокур, например, в 1924 г. утверждал, что «вопрос... о литературном памятнике как источнике биографии... должен быть решен отрицательно, поскольку литература понимается нами не только как исторический документ, но и как предмет искусства, эстетический, обладающий в силу этого бытием фиктивным и условным, а потому и не могущий служить материалом исторических исследований» [4, с. 13]. Несколько менее категоричной была позиция Томашевского, который, не отрицая самой возможности использования лирических признаний в качестве биографических источников, писал в 1925 г.: «Лирика вовсе не негодный материал для биографических разысканий. Это лишь ненадежный материал». «Лирика намечает вехи для биографической гипотезы, придавая ей – правда очень малую в самой себе – вероятность. Дело побочных доказательств определить степень этой вероятности, т.е. обнаружить или явный вымысел или достоверность» [7, с. 50–51].

В том же 1925 г. бескомпромиссным противником того понимания пушкинского автобиографизма, которое предложил Гершензон, выступил В. В. Вересаев. Еще в статье «К психологии пушкинского творчества» (1923) он указал на такую особенность психологии творчества Пушкина, как постоянное «несоответствие между его жизненными переживаниями и отражениями их в его поэзии» [3, с. 268]. Эту неспособность Пушкина к «художественной объективации непосредственной своей жизненной боли и радости» [3, с. 195], эту его, как правило, сдвинутую во времени и не вполне адекватную художественную реакцию на впечатления жизни Вересаев считал следствием двойственной природы поэта. Другое проявление данной двойственности в пушкинском творчестве было обстоятельно исследовано Вересаевым в статье «Об автобиографичности Пушкина» (1925).

Ощущая чрезмерную категоричность вышеприведенного высказывания, Вересаев признал существование у Пушкина ряда стихотворений, «загадочных вследствие своей автобиографичности» [3, с. 217], таких, например, как «Воспоминание». Однако сам факт наличия у Пушкина подобных произведений не отменяет общего недоверия исследователя к утверждению Гершензона о «необыкновенной правдивости» Пушкина, поскольку, как утверждает Вересаев, «там, где Пушкин автобиографичен, не только нет возможности использовать эту автобиографичность в биографических целях, а

как раз наоборот, нужно еще на стороне разыскивать биографические данные, которые хоть сколько-нибудь понятными сделали бы для нас загадочные автобиографические намеки Пушкина» [3, с. 229].

Исходя из этих заявлений, Вересаев и подверг критике методологию Гершензона, указав на ее «совершенно догматический характер» [3, с. 199]. Эта резкая оценка была вызвана тем, что Вересаев близоруко отождествил принцип «глубокой автобиографичности» с принципом абсолютного автобиографизма. Пищу для такого отождествления давали сами гершензоновские изыскания в области биографии Пушкина, отличавшиеся крайней доверчивостью к лирическим признаниям поэта. Кроме того, идеи Гершензона были вульгаризованы в работах его последователей, что принесло вред пушкиноведению. Именно эта ситуация вызвала полемическую заостренность выступления Вересаева, объясняющую, как нам кажется, намеренно однобокое понимание исследователем принципа «глубокого автобиографизма».

Вересаев, в частности, имел в виду то обстоятельство, что ученик Гершензона В. Ф. Ходасевич, будучи априори уверен в автобиографичности пушкинской «Русалки», попытался вычитать из этого произведения информацию о перипетиях так называемого «крепостного романа» поэта, который из-за отсутствия необходимого документального и мемуарного материала считался «белым пятном» его реальной биографии периода ссылки в Михайловское. Обнаруженные П. Е. Щеголевым документы, проливающие свет на историю взаимоотношений Пушкина и его крепостной возлюбленной Ольги Калашниковой, как известно, показали абсурдность гипотетических построений Ходасевича [8, с. 262–263]. Итак, Ходасевич, слишком прямолинейно и прагматично используя открытый Гершензоном принцип «глубокого автобиографизма», дал повод Вересаеву обвинить обоих исследователей в «декретировании абсолютной автобиографичности Пушкина» [3, с. 200], а по сути – в примитивном биографизме.

По иронии судьбы Вересаев, так много сделавший для борьбы с издержками биографизма в литературоведении, сам вошел в историю пушкинистики как один из представителей «примитивного биографического метода». Однако это обвинение, исходившее от Я. Л. Левкович, несправедливо, ибо Вересаев предельно точно изложил свою позицию по поводу пушкинской автобиографичности: «Пушкин так часто является неавтобиографичным – и в передаче отдельных впечатлений, и в передаче основных своих

настроений, и даже в выявлении настоящего своего характера и темперамента, – что пользоваться его поэтическими признаниями для биографических целей можно только после тщательной их проверки имеющимися биографическими данными, и лишь постольку, поскольку эти данные их подтверждают. Иначе говоря, пользоваться ими можно только в качестве иллюстраций, а никак не в качестве самостоятельного биографического материала. Распространенный обычай конструировать настроения и факты жизни Пушкина на основании поэтических его признаний должен быть признан недопустимым и совершенно ненаучным» [3, с. 231].

Между тем, подвергнув критике Вересаева, Левкович выступила с поддержкой позиции Томашевского по вопросу об автобиографичности Пушкина [5, с. 285]. Однако если сопоставить выводы Вересаева и Томашевского, то очевидным станет сходство их взглядов на данную проблему. Это сходство даже может показаться удивительным, если не знать, что, работая над своей статьей, Вересаев успел ознакомиться с книгой Томашевского [3, с. 230], а сам Томашевский, споря с Гершензоном, сочувственно цитировал статью Вересаева «К психологии пушкинского творчества» (1923) [7, с. 48].

Итог развернувшейся в СССР полемики о пушкинском автобиографизме подвел в 1936 г. Г. И. Чулков. Полностью разделяя позицию Томашевского, Чулков писал: «Его (Пушкина. – Д. Ч.) поэзия автобиографична – не в том смысле, как думал покойный М. О. Гершензон, который искал в каждой строке Пушкина буквальную записи повседневной жизни, а в том смысле, что почти все произведения поэта были прямым следствием его собственного жизненного опыта. В их сюжетах нет надобности, конечно, искать точных житейских аналогий, но поэтические признания Пушкина никогда не были плодом отвлеченных мечтаний. Пушкин был великий реалист. Однако было бы ошибкой придавать чрезмерное значение угадыванию, например, к какой женщине относится пьеса “Заклинание” или какое-нибудь другое стихотворение, потому что смысл и ценность лирического признания всегда в конечном счете уводит и поэта и нас, читателей, далеко за пределы конкретного факта» [11, с. 19].

Итак, к юбилейному 1937 году в советском литературоведении относительно автобиографизма пушкинского творчества сложилась вполне определенная позиция, утвержденная как трудами академических ученых, так и работами популяризаторов, к числу которых принадлежали Вересаев и Чулков.

Этой позиции отечественное пушкиноведение придерживалось до самого последнего времени, поскольку в академической коллективной монографии «Пушкин: Итоги и проблемы изучения» (1966) доводы Томашевского представлены как канонические [5, с. 285].

Литература

1. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Мн., 1998.
2. Брюсов В. Я. Детство и отрочество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / под ред. В. Брюсова. Т. 1. Ч. 1. М., 1920. С. XXIII–XLVI.
3. Вересаев В. В. Загадочный Пушкин. М., 1996.
4. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997.
5. Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
6. Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
7. Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990.
8. Томашевский Б. В. Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина... // Русский современник. 1924. № 3. С. 262–263.
9. Утаенная любовь Пушкина: сб. ст. СПб., 1997. С. 53.
10. Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.
11. Чулков Г. И. О биографии Пушкина // Книжные новости. 1936. № 21.
12. Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы. М., 1987.

УДК 821.161.1

Чжан Цзинна (г. Киров)

Вятский государственный университет

Природа в диалогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании»

В настоящей статье рассматривается роль пейзажа в диалогии И. А. Новикова «Пушкин в изгнании». Картины природы в романе иллюстрируют определенное душевное состояние героя, обрамляют линию повествования. Также в романе находят отражение ранние идеи Новикова о единстве человека и природы, включенности человека в мироздание.

Ключевые слова: пейзаж, природа, образ Пушкина, вдохновение, эмоциональное состояние, смысловая наполненность, символика цвета